

Сегодня 13-я годовщина со дня смерти Алексея Максимовича Горького

Гениальный сын русского народа

Основоположник социалистической литературы

На траурном митинге в день похорон Алексея Максимовича Горького тов. В. М. Молотов сказал: «До последнего вздоха Горький жил одним чувством и мыслями с теми, кто с таким энтузиазмом строит теперь новое социалистическое общество под руководством партии Ленина—Сталина. Его глаза до конца дней жизни сверкали огнями борьбы и непримиримости к врагам трудящихся, к фашистам и ко всем другим угнетателям, к душителям культуры и поджигателям войны».

Горький звал писателей к изучению достижений новой социалистической действительности, к многостороннему и глубокому отражению этой действительности в художественных произведениях. Великий писатель был в первых рядах прогрессивных сил мира, борющихся с фашизмом. Он был глубоко убежден в том, что силы советского народа непобедимы, что фашистские орды, если они нападут на Советский Союз, будут разгромлены.

Через весь свой творческий путь Алексей Максимович пронес перу в светлое будущее своей Родины. Осуждая «свинцовые мерзости» капиталистического мира, Горький в романе «Мать» предсказывал:

«...Россия будет самой яркой демократической землей».

В эпоху первой революции он мечтал о том времени, когда «жизнь станет легкой, радостной, а дамки камин будут улыбаться». Великий писатель дошел до тех счастливых дней, когда он смог проследить Сталинской Конституции с радостью называть «конституцией социалистического гуманизма».

В докладе на съезде советских писателей в 1934 г. Горький говорил: «...обращая ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, созданные фольклором, устным творчеством трудового народа».

Великий писатель был уверен в том, что социалистическая революция с необычайной силой пробудит в советской стране художественные, творческие силы народа. «Нам следует», писал он, «твердо признать и помнить, что художественное творчество масс не исчезло, не убито веками подневольной каторжной работы... Нам надобно признать, что способность трудящихся масс к образному творчеству слова возникает и должна возникнуть, ибо революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально».

Еще на заре революционного движения русский рабочий класс Горький выступил как гениальный и беспощадный обличитель лжи буржуазии, пытавшейся представить себя как создательницу всех ценностей и благ жизни. С первых лет XX века в произведениях Горького появились люди будущего, герои из рабочего класса, сильные своей солидарностью и сплоченностью в борьбе с буржуазией.

Лживости и лицемерию миллионеров Маякина из повести «Фомка Гордеев» Горький противопоставил мысли рабочего, большевика Павла Власова—героя романа «Мать». Визуализируя капиталистический строй на его преступность, низость, фальсифицируя, революционер-подпольщик смело говорит на суде: «Мы, рабочие—люди, трудом которых создается все—от гигантских машин до детских игрушек, мы—люди, лишенные права бороться за свое человеческое достоинство... Наши лозунги просты: долг частной собственности, все средства производства—народу, вся власть—народу, труд—обязателен для всех».

На страшном фоне города желтого дьявола Горький создал типичные образы «властителей» жизни. В сатирической очерке «Один из королей республик» он показал миллионера в его безграничной жадности к золоту. Как выразитель корыстных интересов империалистической буржуазии, этот миллиардер считает, что жизнь «видна правильно только с высоты горы золота». Его «патриотизм»—это проповедь превосходства американской расы над другими, ее предназначения к мировому господству: «Америка—лучшая страна мира... Американцы—лучшие люди земли, у них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы, поэтому к нам скоро придет весь мир».

Публицистика Горького была направлена на разоблачение империалистической буржуазии, реакции, козней поджигателей войны. Новое поколение советских писателей верно следует этой плодотворной линии творчества великого писателя.

Горький—высшее проявление нашей национальной культуры—всегда выступал как пламенный ее поклонник. Классики русской литературы вызвали в нем чувство благоговейного почитания.

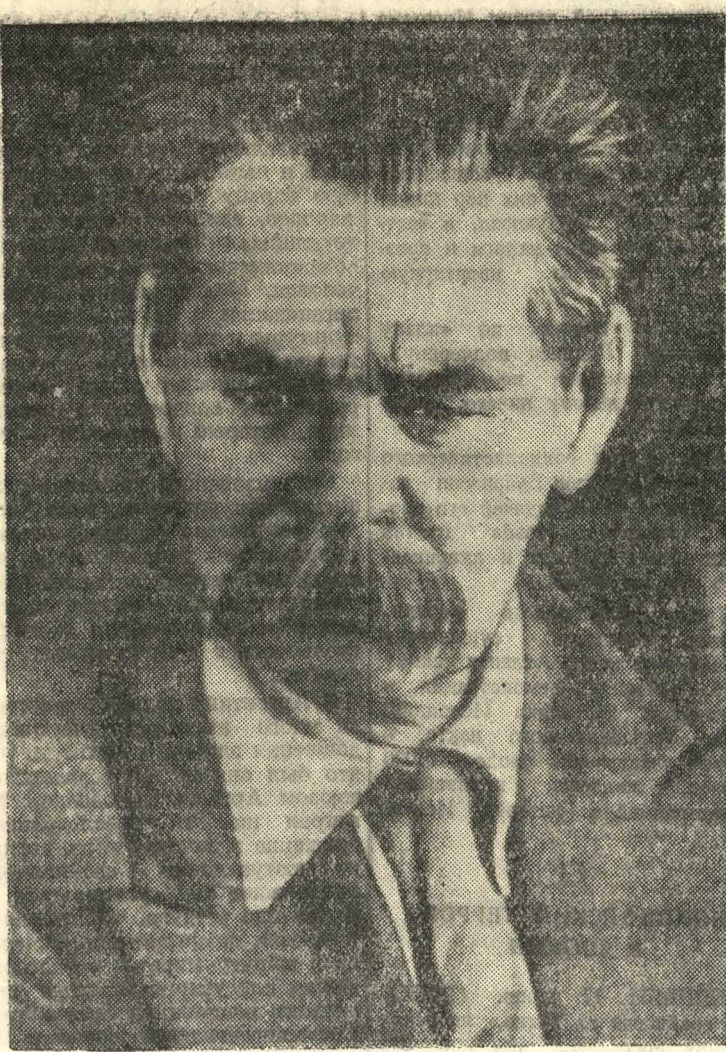
Горький глубоко любил гения Пушкина. Алексей Максимович воспекал оптимизмом великого поэта. Ему была близка пушкинская идея сотрудничества муз и разума: «Да здравствует муза, да здравствует разум». Радость жизни, заложенная в лучших творениях Пушкина, живет и в творчестве Горького. Знаменитые горьковские слова «Человек—это звучит гордо!» наиболее полно выражают сущность пушкинского гуманизма.

Передовое и прогрессивное человечество в его благородной борьбе с капиталистической тиранией, мракобесием буржуазной реакции имеет в лице Горького великого наставника. Каждый боец против буржуазной реакции чувствует сегодня непобедимую правду слов героини романа «Мать»: «Не жалеть кровью разума... морями крови не угасит правды... только злобы накапите, безумные, на нас она падет».

Горьковские бессмертные идеи и образы, как воспетый им Буревестник,носящийся над миром угнетения и насилия, призывают людей к борьбе за лучшее будущее: «Пусть сильнее грянет буря!».

Горьковские бессмертные идеи и образы, как воспетый им Буревестник,носящийся над миром угнетения и насилия, призывают людей к борьбе за лучшее будущее: «Пусть сильнее грянет буря!».

Проф. В. БОИЧЕВСКИЙ.

М. ГОРЬКИЙ

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то трелью взмывая к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике—жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,—стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,—им, гагарам, недостало наслажденья битвой жизни: глом ударов их гнетет.

Глухой пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размахом в дикий злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,—гордый, чёрный демон бури,—и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гнев грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,—нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи выскочат в море, исчезая, отраженья этих молний.

—Буря! Скоро грянет буря!

Этот смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

—Пусть сильнее грянет буря!

Ответ М. Горького на анкету американского журнала*)

Вы спрашиваете: «Ненавидит ли ваша страна Америку и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтоб «сделать деньги». Разрешите сообщить, что на первый ваш вопрос,—так же как и на все остальные,—я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны, ибо не имею возможности спросить их: как они относятся к вашей стране?

Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары—на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае и даже среди десяти миллионов цветных людей территории С.Ш.С.А., не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе права сказать вам от имени своего народа: «Да,—моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь ее народ, рабочих так же, как и миллиардеров, цветных так же, как белых; ненавидит женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящее вашей страны, ее науку и ученых, ее великолепную технику, Эдиссона и Лютера Бербанка, Эдгара Поэ, Уотт Уитмена, Вашингтона и Линкольна, Т. Драйзера и Е. О'Нейла, Шервуда Андерсона, всех талантливых художников и прекрасного романтика Брет-Гарта, духовного отца Д. Лондона, ненавидит Торо, Эмерсона и все, что есть С.Ш.С.А., и всех, кто живет в этих штатах».

Надеюсь вы не ожидаете, что найдетесь идиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре.

Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией С.Ш.С.А., не возмущает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация, это—самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации.

Европа достаточно трагически развращена низмизмом классовых структур государства, но все же в Европе еще невозможно такое вредное и бессмысленное явление, как ваши миллиардеры, миллионеры, люди, которые олаивают вашу страну дегенератами. Вы, конечно, помните бостонское убийство двумя богачами мальчишки третьего,—убийство из любопытства? А сколько у вас таких преступлений из «любопытства», из любопытства? Европа тоже может похвастаться бесправием и беззащитностью своих граждан, но все же она еще не дошла до такого позора, как убийство Сакко и Ванцетти. Во Франции было «дело Дрейфуса», тоже очень постыдное, но во Франции на защиту невинного выступили Э. Золя, Анатолю Франс и повели за собою тысячи людей. В Германии после войны

*) Публикуется по материалам архива А. М. Горького.

возникло нечто вроде Ку-Клукс-Клана—организации убийц, но там их выловили и судили, а у нас это не принято. Ку-Клукс-Клан убивает, цинично издевается над цветными, над женщинами и все это—бесславно так же, как бесславно расправляются губернаторы штатов с рабочими-социалистами.

В Европе нет такого отвратительного явления, как травля «цветных», хотя она страдает другой позорной болезнью—анти-семитизмом; впрочем, болезнью этой заражена и Америка.

Преступность в Европе тоже постепенно растет, но еще не доросла до того, что,—судя по вашим газетам,—творится в Китае, где, кроме бандитов биржи и бандитов, свободно хозяйничают еще и бандиты с револьверами и бомбами в руках. Невозможно в Европе и те битвы, которые вы звали у вас сухой режис. Невозможен мэр города, публично сжигающий книги английских классиков, как это сделал мэр Чикаго.

Не думаю, что Б. Шоу имел бы право ответить на приглашение в какую-либо иную страну так саркастически, как ответил он на приглашение редактора «Nation» О. Г. Вилларда приехать в Америку.

Капиталисты всех стран одинаково противные и бесчеловечные племя, но—ваши хуже. Они видят более глупо жадны к деньгам. Историю, слово «бизнесмен» я перевожу для себя словом—ма-ниак.

Вы подумайте, как все это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились украшать и обогащать,—почти вся наша земля, в жадных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать. Великолепную творческую силу—кровь и мозг ученых, техников, поэтов, рабочих, создающих культуру, нашу «вторую природу», эти туповатые люди превращают в желтые кружочки металла и в бумажные полоски чеков.

Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность и ненависть, которая неизбежно уничтожит их, но, вместе с ними, может взрывом своим уничтожить и множество культурных ценностей. Ваша бо-лезнь, гипертрофированная цивилизация грозит вам величайшими трагедиями.

Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счет чужого труда. И, разумеется, я советую объявить капиталистов группой людей, социально опасных, конфисковать имущество их в пользу государства, переселить этих людей на один из островов океана и пусть они там спокойно перемрут. Это очень гуманное разрешение социального вопроса, и оно—совершенно в духе «американского идеализма», который есть не что иное, как наивысший оптимизм людей, еще не переживших драм и трагедий, в общем именуемых «историей народа».

Жизнь—подвиг

«Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» («Песня о Соколе»)

О великой жизни Горького—писателя и мыслителя. Гражданина нашей отчизны—повесть о материале, собранные музеем литературы Академии наук СССР. В чудесных рисунках, исторических снимках, фотокопиях рукописей предстает могучая фигура родоначальника социалистической литературы, страстного борца за коммунизм.

Суровое, страшное детство. О нем рассказывают изумительные зарисовки художника Тирсы. Вот похвальный лист. Он выдан был Алексею Пешкову за успехи в Ново-Слободском Кунавинском училище, по... «курсы в оном, по бедности, не окончили».

И ушел юноша «в люди» на пароходе, делавшем рейсы из Нижнего в Пермь, служил посудником на станции Крутай—всесоюзником... Он работал на пристанях, лил дрова, таскал грузы... В эти годы и родился его страсть к книге. Мимо первых друзей молодого Пешкова—томили Пушкина и Лескова, Успенского и Помяловского... «Прочитавшие книги»,—говорил впоследствии Горький,—научили меня уважать людей, упорных в достижении своих целей, ценить духовную стойкость... Каждая книга была маленькой ступенью, поднимавшая на которую, я восходил от

По материалам музея института литературы Академии наук СССР

животного к человеку и представляю о лучшей жизни и жажду этой жизни».

Большая карта повествует о путешествии Горького по России. Он шел берегом Волги, через донецкие степи, по бесарабской земле и вдоль Крымского побережья. Его видели в Одессе и Ялте, на Военно-Грузинской дороге, идущим глубокой осенью в Тифлис. «Хожде мое по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству»,—писал Алексей Максимович,—«а желанием видеть—где я живу, что за народ вокруг меня».

Все пережитое Горький воплотил в своем творчестве. Нам показывают номер тифлисской газеты «Кавказ». В этом номере в 1892 году напечатан первый рассказ великого писателя «Маленький Чудра». Интереснейшие материалы раскрывают историю создания других замечательных произведений Алексея Максимовича—«Челкаша», «Песня о Соколе», «Старухи Изергиль».

Глашателем «безумства храбрых», провозвестником нового мира стал в те годы Горький. Еще на заре революции он «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...» (В. И. Ленин), возбудил в людях гордый дух борьбы против сил рабства и собственничества.

Рядом с первым изданием очерков и рассказов великого художника—перепишка кандамары о надзоре за Горьким. Все больше и больше беспокоит их растущая популярность писателя. В Нижний Новгород идет телеграфное распоряжение: обыскать, арестовать и препроводить в Тифлис по этапу... В департамент полиции поступает донесение, что Горький «участвует в разных революционных организациях».

Вот отзыв охраны о «Буревестнике»: «...означенное стихотворение произвело сильное впечатление в литературных кругах известного направления, причем самого Горького стали называть не только «буревестником», но и «буреглашателем», так как он не только возмущает о грядущей буре, но зовет бурю за собою».

В музее хранится извещение «Правительственного вестника» об избрании Горького в почетные академики. «Более чем оригинально!»—воскликнул, прочитав эту записку, разъяренный Николай II. И мы читаем высочайшее письмо министру народного просвещения: «...и такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избрать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему влечению выбор Горького отменяется. Надеюсь, хоть немножко отрезвится этим состояние умов в Академии».

Произведения Горького дышали пафосом гнева и возмущения. «Горький—крупная литературная сила и талантливый выразитель

протестующей массы»,—писала о нем в 1902 году большевистская «Искра». Он создает драму «Мещане», в которой обличает господствовавший общественный порядок. Он пишет свою замечательную пьесу «На дне», обобщив театры всего мира. Этим гениальным произведением Горького посвящено множество материалов музея.

1905 год. Потрясенный кровавым избиением народа, шедшего с петицией к Зимнему дворцу, Горький обращается с гневным посланием к обществу. Оно завершается словами: «...Мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Охрана арестовывает Горького. На фото—камера № 39 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, в которую заключили Алексея Максимовича: железная койка, привинченный к стене стол, небольшое окошко под двойной решеткой... Месяц провел в заточении великий писатель, и только под давлением общественного мнения царское правительство вынуждено было выпустить Горького на волю.

Пути великого писателя не могли не соприкоснуться с путями гениев человечества—Ленина и Сталина. Подлинные документы и фотографии дают представление о том, как высоко ценил Горького Владимир Ильич, как чутко прислушивался к его высказываниям.

Перед нами большая легальная газета «Новая жизнь». Она редактировалась Лениным. Ее сотрудником был Горький. На страницах этой газеты писатель зло и безжалостно разоблачал

мещанство. «Почему бы не про-должить, не вести в обычай тот жанр, который вы начали «заметками о мещанстве» в «Новой жизни» и начали, по-моему, хорошо?»—писал Горькому Ленин. Фотокопия письма Владимира Ильича хранится среди других документов этого периода.

Своей деятельностью художника и публициста Горький помогал партии, Ленину и Сталину в их титанической борьбе с самодержавием. Он написал прекрасную, неувядаемую повесть «Мать», в которой провозгласил, что «Россия будет самой яркой демократией земли». На острове Капри Горький создал полное агитационное пафоса, обличительные силы «Сказки об Италии». И мы видим среди многочисленных рисунков и фототипов текст еще одного великого письма Алексею Максимовичу: «Великолепными «Сказками» Вы очень и очень помогли «Звезде» и это меня радовало чрезвычайно».

По типу этих сказок Ленин предлагал Горькому делать политические прокламации. Перед нами фотокопия письма, отпечатанная в начале 1912 года. «Не напишите ли в майский листок?—спрашивал Горького Владимир Ильич.—Хорошо бы иметь революционную прокламацию в типе сказок «Звезды»».

Свободный труд свободного человека на земле, возделанной его предками,—в этом видел Горький грядущее счастье России. И когда революция освободила народы нашей страны, он восторженно писал: «Моя радость и гордость—новый русский человек, строитель нового государства».

Снова—карта путешествия Горького по стране. Спустился много лет, уже в советские годы,

великий писатель посетил места, по которым он бродил в дни молодости. Воспитанный трудовым коммун, грузики Астрахани, строители Беломорско-Балтийского канала, кузнецы, рабочие и колхозники многих городов и сел Родины помнят эту высокую, чутко сорбленную фигуру, эти синие, пытливые взгляды, охватывающие все глаза. Окруженный любовью и вниманием людей, он шел по участкам работ, по мастерским, по общежитиям...

Непосредственный и активный участник борьбы за революцию, Горький после ее победы стал беззаветным и страстным строителем новой жизни, пламенным энтузиастом великих сталинских планов переустройства страны. Он был счастлив сознанием, что живет, как он говорил, «в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

Дружба со Сталиным, как и дружба с Лениным, освещала жизнь Горького. Об этом рассказывают многие документы. Художник Яр-Кравченко запечатлел момент чтения Горьким товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову своей сказки «Девушка и смерть». Мы видим репродукцию странички из книги. Через весь лист идет надпись: «Эта штука—сильнее, чем «Фауст» Гете (Любовь побеждает смерть)». И. Сталин».

Произведения Горького, его пламенные статьи, написанные кровью сердца, воспитывали в народе любовь к отчизне. Мы перечисляем горьковские публицистические сборники. Как ненавистны были великому писателю реакционные силы фашизма, стремившиеся поразить нашу Родину! Он звал народы

мира дать отпор провокаторам войны и твердо знал, что в грядущем столкновении с реакцией победит советский народ.

С огромной страстью и энергией боролся Горький против империалистов Европы и Америки. Разве утратили свою силу эти сборники, написанные много лет назад?

Вот горьковская характеристика Черчилля, которую он дал ему в 1933 году: «...Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он—весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов».

Слишком страшен был для врагов нашей отчизны обличающий голос Горького, и они отняли жизнь у Буревестника Октябрьской революции, у великого художника и мыслителя. Много-численные фотографии воскрешают Москву тех дней. В траур оделась столица. Нескончаемыми шеренгами потянулись людские массы в тишину Колонного зала. В поэтический караул перед прахом Горького стал Сталин, и в глазах его были скорбь, большое горе...

В заводских цехах, в вузовских аудиториях, на полях станах колхозных бригад миллионы людей являли высоко пронести знамя великого художника и борца. И они сдержали свое слово. Горький был с нами в первых рядах страстных борцов с фашизмом, в дни Великой Отечественной войны. Он с нами и сейчас—на лесах великой сталинской стройки, в рядах борцов против поджигателей новой кровавой войны.

А. ВЛАДИМИРОВ, спец. корр. «Курской правды».